

За сов. искусство. — 1990 — 14 июня (№8).
— Ленинград.

«Борис для меня — это великий и трагический человек...»

— Образ, созданный вами, настолько многогранен, что сразу же вызывает много вопросов. С одной стороны, он как бы отдаленно вбирает в себя все лучшее, что было открыто в этой роли за ее долгую сценическую жизнь, а с другой — для вас, как английского певца и актера, это как бы немного взгляд со стороны на персонаж, принадлежащий к уже далекой русской истории.

— Я действительно много занимался этой ролью и ее историей. Ну прежде всего трудность состоит в том, что Борис Годунов — это реальная историческая личность, ставшая не только достоянием истории, но и легенды, согласно которой публика уже привыкла к тому, что Борис Годунов виновен в смерти царевича Дмитрия, и уже заранее видит в нем злодея.

— Как говорится, поднимается уже ставшая философской тема преступления и наказания!

— Вот именно. Что же касается меня лично, то я не считаю Бориса виновным, как историческое лицо. Ведь убийство Дмитрия приписывалось ему как одна из версий смерти царевича, которая не была доказана. Более того, Борис Годунов представляется мне как личность очень одаренная и сильная, высокообразованный человек и государственный деятель, на плечи которого пала титаническая ноша — огромное государство Российское. Ведь фактически ему пришлось взвалить на себя все тяго-

ты правления Россией при слабом царе. А это необъятная и сложная страна практически может поглотить любого человека. Борис для меня — это великий и трагический человек.

— Вы считаете Бориса Годунова тоже жертвой в некотором роде!

— Конечно. В историческом плане, но что касается роли, то здесь сливаются воедино несколько параметров: Борис Годунов, как реальное историческое лицо, Борис Годунов Пушкина и Борис Годунов Мусоргского. И в ощущении Мусоргского это тоже был трагический герой, который уже внутри себя нес как бы изначальное аристотелевское чувство вины. И безусловно, он стал жертвой многочисленных, не всегда явно зримых преследований со стороны окружавших его бояр, пытавшихся максимально разбедить его раны. Для меня особенно интересен сложный и многоплановый конфликт Бориса и Шуйского, который по сути дела разрушает Бориса.

— Все это очень усложняет образ.

— И я должен был учесть это при работе над ролью, учитывая также и то, что сам я сочувствую своему герою. Ну а кроме того, как мы уже упомянули, существует большая сценическая традиция этого спектакля, а следовательно, и роли Бориса Годунова, знавшей многих талантливых режиссеров и исполнителей. И прежде всего, это, конечно, Шала-

пин. До нас дошли свидетельства его трактовки. Вообще, для меня Шалапин сам по себе является загадочным и не совсем ясным феноменом. Поэтому можно учесть его гениальное творение, но ни в коем случае нельзя ему подражать, что нередко бывает, ибо даже в лучшем случае, ничего кроме плохой копии из этого не получится.

— Я также хорошо знаком с работами Николая Гяурова и Бориса Христова. Игра последнего мне представляется слишком натуралистичной, а мне ни в коей мере не хотелось создавать некий образ «русского медведя», рвущего страсть в ключья.

— А что по этому поводу считал Тарковский?

— Здесь тоже все было непросто. Он говорил много о своей концепции добра и зла, о русской истории, о религии. Он очень трудно излагал свои идеи, и я не всегда хорошо понимал его, поскольку, как мне кажется, спектакль активно вмешивался в современную актуальную атмосферу, а это были типично русские проблемы, довольно далекие от моего мироощущения. Поэтому я иногда полагался на свою интуицию, и мы вместе постепенно нашли пути к этой роли, к решению образа Бориса. Еще с музыкальной стороны мне очень помог Клаудио Аббадо, очень тонко чувствующий музыку Мусоргского.

— Не оказал ли на вас также определенное влияние фильм

Интервью
с Робертом Ллойдом

Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», в особенности 2-я серия, где режиссер показывает уже фактически безумие своего героя!

— При работе с Тарковским об этом разговора не было. Но я видел отдельные фрагменты из фильма Эйзенштейна. Более того, на опыт Эйзенштейна частично опирался итальянский режиссер Пьеро Фаджени, поставивший оперу «Борис Годунов» во Флоренции, где я тоже исполнял главную партию. Это было уже после моего выступления в спектакле Тарковского, и, возможно, в трактовку образа Бориса привнесены и новые детали, которые вы в ней заметили. И мне это представляется очень интересным.

— Как вы считаете, на сцене Кировского театра сохранилась концепция спектакля Тарковского!

— Безусловно. А что касается чисто музыкальной стороны, то мне кажется, что хор здесь звучит лучше, чем в Ковент-Гардене. По-видимому, имеет значение тот факт, что для ваших артистов это родной русский материал.

На память о совместной работе с коллективом театра Роберт Ллойд, прощаясь, дарит для газеты «За советское искусство» свой портрет в роли Бориса Годунова, сделанный для него художником-постановщиком спектакля Николаем Давгубским. Мне кажется, внимательный взгляд может отдаленно уловить и отдельные черты облика Ф. М. Достоевского.

Все это — «человеческое, слишком человеческое», перекликающееся во времени.

С РОБЕРТОМ ЛЛОЙДОМ
беседовала искусствовед
С. СЛИВИНСКАЯ

Ллойд Р.

14-11-91